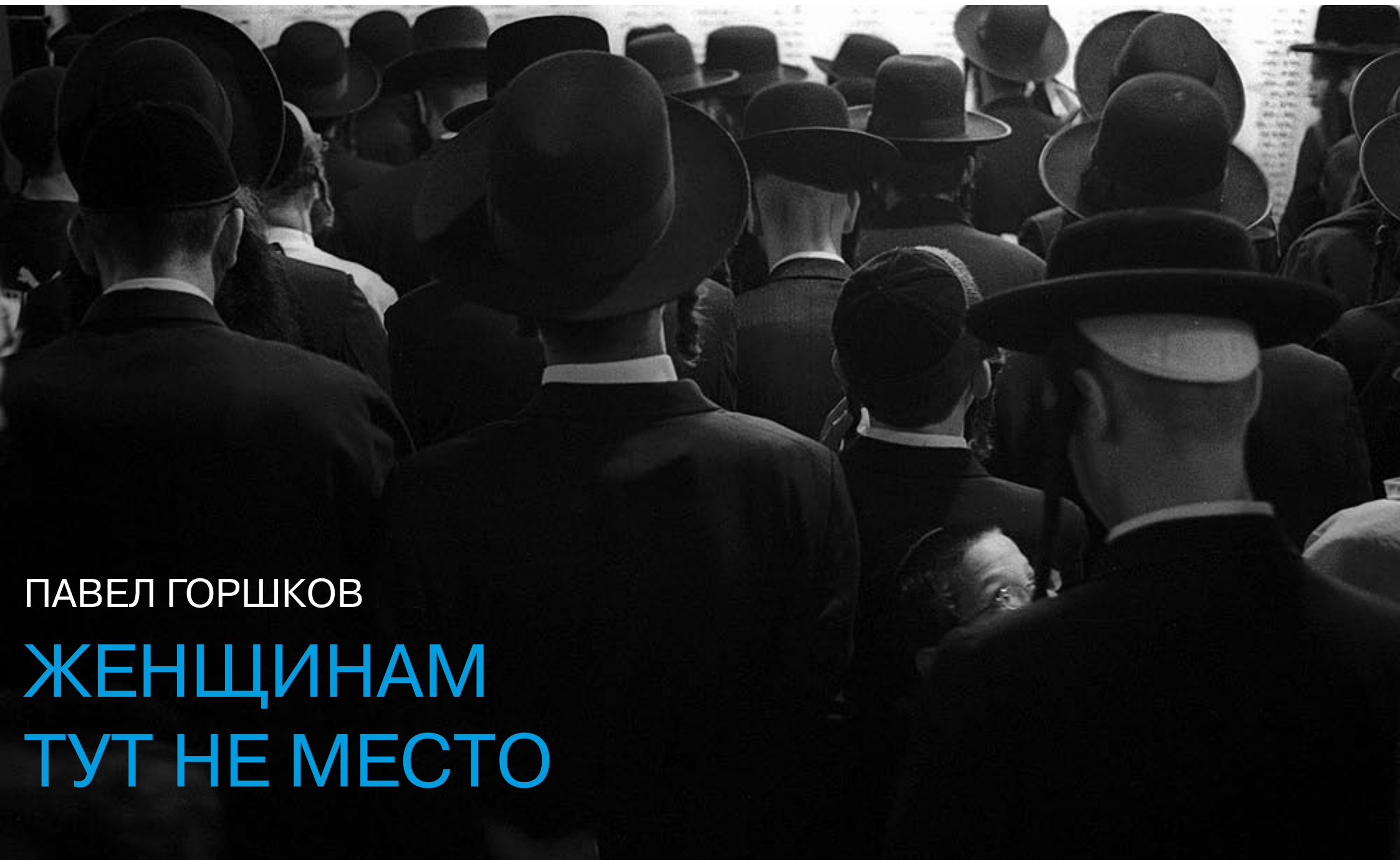

PHOTOGRAPHER.RU

РЕПОРТАЖ МЕСЯЦА

ПАВЕЛ ГОРШКОВ

ЖЕНЩИНАМ
ТУТ НЕ МЕСТО

Каждый год в сентябре-октябре небольшой украинский город Умань в паре сотен километров от Киева становится местом паломничества ортодоксальных евреев. Приверженцы одной из ветвей иудаизма Брацлавские хасиды в канун еврейского Нового года едут на могилу своего учителя цадика Нахмана. В основном это ортодоксы из Израиля и США. На двадцать тысяч человек увеличивается население небольшого городка, в котором только и разговоров что о паломниках.

Чем ближе к могиле страждущий, тем вероятнее, что его молитвы будут услышаны, тем больше здоровья и благополучия в делах он получит в новом году от Нахмана. Поэтому паломники расселяются очень плотно вокруг могилы на расстоянии около пятисот метров. Местное население сдаёт все жилье и переживает это время, ночуя в машинах, сараях, у родственников и знакомых. За две недели осени на приезжих можно заработать больше, чем за весь год. Квартира оценивается по количеству спальных мест. А по субботам горожан, отдавших свою крышу ортодоксам, может поджидать неприятность в виде протечки не только своей квартиры, но и расположенных ниже. Будет оставаться включенным газ, свет. Как известно, по субботам ни выключать, ни включать ничего нельзя. Поэтому наученные горьким опытом граждане постоянно дежурят во дворах собственных домов, где в окнах можно увидеть беспомощных паломников. А состоятельные ортодоксы покупают квартиры – и у местного населения, и в домах, построенных специально для паломников.

Женщин здесь нет. Молятся только мужчины. Подобраться к самой могиле непросто, а субботу вообще нереально. Неистово молящиеся стремятся занять всё место вокруг, не оставляя такой возможности не только зевакам, коим был я, но и менее истовым паломникам. Трижды в день всех кормят за счет общины. Эта кошерная пища не местного производства. Как жильё, так и «столовые» разделены и зависят от состоятельности ортодокса. Очень много детей, то есть мальчиков. С ними занимаются взрослые отдельно. Это своеобразный детский сад или школа. Но и они читают молитвы и учат тору.

Некоторые из них первое время не разрешали себя снимать, требуя плату. Но, встречая меня каждый день, становились лояльней. Ко дню встречи Нового года вся площадка перед могилой и построенная здесь самая большая в Европе(!) синагога заполняется паломниками. Со стороны это похоже на огромный муравейник.

Всё это время я находился между продавцами, парикмахерами, молящимися, спящими, танцующими и снующими везде мальчиками. Ходил, останавливался, ждал, высматривал. Всё время поднимая камеру к глазам, я чувствовал удовольствие от происходящего. От происходящего со мной. Работать над новой темой всегда удовольствие. Через новый «объект съемки» мы познаем мир, и это раскрывает нас и делает духовно богаче.

Тема хасидов для меня была притягательна. Но попробовать войти в неё раньше не представлялось возможным, пока однажды Владимир Сёмин не предложил эту поездку. Когда-то мы с ним работали над еврейской темой, но это не были ортодоксы. В Киеве, когда я работал в «Независимой газете», мы вместе снимали поминание погибших, замученных и расстрелянных в Бабьем Яру. При всем том у нас выходили разные темы. Наши совместные поездки бывали нечастыми, но иногда мы договаривались и отдавали в редакции темы, сделанные совместно. Для меня это была школа. Помню, в начале 90-х один хороший журнал опубликовал наши работы. Мою поставили на разворот. Она стала фоном, на котором поставили несколько Володиных. Только сейчас приходит понимание каким я был глупым.

В Умань мы поехали вместе и делили ночлег и питание, но работали независимо друг от друга на собственные средства. Заказчика не было, что давало мне полную свободу. Возможно ту свободу, в которой пребывает уже много лет Сёмин. Хотя его свобода дается большой ценой.

С утра до позднего вечера я обходил все места и уголки, где можно было встретить паломников. Не знаю, что чувствовали хасиды, глядя на меня, но я видел, что на мою маленькую камеру почти никто не обращал внимания. В крайнем случае отворачивались или поднимали передо мной руку. Я проходил дальше.

К вечеру ноги гудели. Но с утра я снова чувствовал прилив сил, потому что казалось, что мне открывается нечто ранее не доступное. Чем дольше находишься в теме, когда внешние знаки уже использованы, тем трудней найти образ, не прибегая к повторам. И здесь помогают виденные ранее и оставшиеся в памяти композиции, фрагменты, схемы, опыт от тысяч ситуаций, фотографий, придуманных этюдов.

У каждого свой метод или подход. Я погружаюсь в тему и жду. Наблюдательность и просчитывание ситуации, а иногда и просто удача помогает дожидаться. Запрограммировать здесь ничего нельзя. Элемент везения напрямую зависит от работоспособности. Как только перестаешь идти до конца, удача отворачивается.

Главное, что помогает чувствовать, видеть и делать серьёзную фотографию – чувство внутренней свободы, самое главное и необходимое чувство. Ни редактор, ни заказчик не сможет испортить будущую работу, когда есть внутренний стержень.

ПАВЕЛ ГОРШКОВ БИОГРАФИЯ

Павел Горшков: «Фотокорреспондент – это профессия, фотограф – состояние»

Павел Горшков

Родился в подмосковном городе Жуковский. Сейчас мне 45 лет. С детства мечтал о работе в кино. Еще в школе взял в руки фотоаппарат и снимал постоянно. Если б на тот момент существовали какие-нибудь фотографические школы или учебные заведения... Не смотря на мечты, пришлось пойти в профтехучилище и стать радиомонтажником. На тот момент можно было выучиться на бытовика-ремесленника или стать аэрофотосъемщиком. Выбор не богатый. Потом был институт, но, не проучившись и года, бросил его и стал ассистентом кинооператора на киностудии минобороны, потом поработал во ВГИКе препаратором в фильмотеке и все-таки выбрал фотографию. Интуитивно меня тянуло к репортажной фотографии. К тому же жанр был самым доступным и понятным тогда. Освоив технологию съемки, проявки и печати, я устроился в городскую газету «Современник» в Жуковском. Время было уже бурное и хотелось быть на острие событий. Перестройка, Гласность. Видимо, всё как-то получалось со съёмками, потому что через полгода меня взяли внештатником в «Московскую правду». Там работали такие «зубры», штамповавшие съезды, генсеков, партноменклатуру, передовиков, картинки на тему светлого будущего, что долго я там не выдержал бы. Дальше была работа уже в штате – газеты «Милосердие», «Независимая», «Сегодня», журнал «Итоги», «Еженедельный журнал». И везде, кроме съёмки, приходилось заниматься созданием фотослужбы. Сегодня работаю в журнале «Smart Money» в издательском доме с «Ведомостями». Кстати, тоже начинал задолго до выхода первого номера. Являюсь членом Союза фотохудожников.

Неизвестно какой бы фотографией я сейчас занимался, если бы не эпохальная для меня встреча в 1990 году с известными фотомастерами Владимиром Сёминым и Александром Щемляевым. Сколько было крика, эмоций. Были целые баталии в защиту своей точки зрения с редакционным начальством.

Они сотрудничали с газетой «Милосердие», где я тогда начинал свою фотографическую деятельность. Это было интересное время и интересная работа. Нужно было снимать не только фото в номер, но требовались уже фотоистории. Я просматривал приносимые репортажи и знакомился с их авторами. Однажды я увидел чукотскую съёмку. Это были работы Щемляева, они буквально сбили меня с ног. А Сёмин своими фотографиями снова поставил меня на ноги. Их работы поразили меня изобразительной пластикой и одновременно жесткостью и правдой. Но эти слова я узнал потом. А тогда это были фотографии, которые никогда не встречались в официальной прессе. Я увидел, как живут люди в этих суровых условиях, охоту на моржей, быт. Наверное, именно таких фотографий и, главным образом, таких учителей мне и не хватало в то время. Щемляев тогда мог только «рубить» направо и налево. Сёмин напротив, показался мне более последовательным, со своей философией, целеустремленностью и серьезным отношением к фотографии. Мы быстро подружились, несмотря на разницу в возрасте. Я видел, как он работает. Он был поглощен фотографией целиком. Отчасти и я стал таким же помешанным, как он. Однажды я пригласил к нему в мастерскую одного молодого фотографа. Надо сказать, что каждое чаепитие у него на кухне превращалось в лекцию. Но мой молодой коллега с трудом высидел все это время и сказал мне потом, что не собирается всю жизнь отдавать себя фотографии, как Сёмин.

Тогда я впитывал в себя всё как губка. Совместные творческие командировки с Владимиром Сёминым помогли мне понять его технологию. Это было лучшее время в моей жизни. Документальная фотография стала для меня тоже искусством. Я смотрел его работы, архив и слушал. Он говорил о глубине «погружения», беспощадности к себе и бескомпромиссности в работе. Это был конечно фанатизм. Но для Володи это

Владимир Семин и Павел Горшков

нормально. Он до сих пор так живет. Одной из наших первых серьезных поездок была командировка в Вильнюс и Ригу, где пролилась первая кровь литовцев и латышей за освобождение Прибалтики от советской власти. Теперь, когда прошло более 17 лет, Семин по-прежнему для меня фотографический советник, учитель и друг.

В моём круге общения были разные фотографы – Фарит Губаев из Казани, Владимир Воронов из Москвы. У них я многому научился. Конечно же, нужно сказать о Анри Картье-Брессон (Henri Cartier-Bresson), Куделка (Koudelka), Салгадо (Salgado). С их работ началось моё знакомство с мировой фотографией. А позже и другие признанные мастера и члены агентства Magnum. От каждого из своих учителей я брал умение видеть и находить главное, чувствовать ритм и строить композицию. Вроде бы это простые слова, но за каждым стоит пласт, опыт, терпение. Если бы меня спросили сейчас о моих пристрастиях, то я бы назвал Куделку, Сильвию Плачи (Sylvia Plachy), Гарри Каллахана (Harry Callahan).

Работа фотографа – это прежде всего наблюдение. Я наблюдаю, но не прячу камеру от снимаемых. Такая открытость иногда обезоруживает «жертву» и если меня заметили, улыбаюсь и приветствую, подчеркивая, что снимаю открыто, чтобы не дать повода к какой бы то ни было агрессии. Камера – сильный раздражитель. Человек, прячущий камеру после нажатия на спуск, вызывает подозрение – не только у снимаемых, но вообще у окружающих. Я не режиссирую события во время съемки, а стою и жду. Поэтому ещё в «Независимой газете» один из моих прежних шефов, как-то просматривая очередную съемку, сказал, что я не фотокорреспондент, а фотограф. Наверное, хотел обидеть. А я с тем и хожу...

По прошествии стольких лет могу сказать, что фотокорреспондент – это профессия, фотограф – состояние. Я и сейчас

нахожусь в профессии, но стараюсь оставаться фотографом. Если я не ошибаюсь, то даже Картье-Брессон считал себя любителем.

Требование фоторедактора принести фотографию во что бы то ни стало – это обычное условие работы с изданием. Поэтому нужно проявить максимум работоспособности, творческого подхода, желания добиться цели. Если событие уже разворачивается, то режиссировать ничего нельзя. Снять можно если к этому готов. Я помню, про одного известного отечественного фотографа говорили, что он реконструировал ранее увиденное, т.е. объект играл самого себя. Не знаю, верить в это или нет, но я против такого метода. В работе я всё-таки предпочитаю возможность выбирать. Если редактор требует от вас невыполнимого, то лучше найти причину, чтобы не браться за такое.

Вообще я стал спокойней относиться к ситуации, когда командировка с огромным количеством отснятого оборачивается одной-двумя фотографиями, небольшими прямоугольничками на полосе. Я сделал работу, она обогатила меня. Ущемлено моё самолюбие? Но главный редактор не я. То, что сделал я, никому не отнять. Раньше говорили: «писать в стол». Со временем мой ящик стола становится всё полней благодаря тому, что я не оглядываюсь ни на кого, а снимаю то, что может выразить мои переживания, моё отношение к происходящему. Рано или поздно таких фотографий наберется достаточно, и они обязательно станут достоянием публики. Надеюсь, по ним и будут судить о нашем времени.

Записал Олег Климов